

шолта

Н.С.Плевако

РОССИЙСКАЯ ИСТОРИЯ ГЛАЗАМИ ФИНСКОГО ПОЛИТИКА

Койвисто М. Русская идея. М.: «Весь Мир», 2002. 244 с.

Отечественной читающей публике всегда было интересно, какого мнения о России иностранцы, видят ли в нас что-то особенное, и, если видят, каким образом объясняют нашу несхожесть с ними? Этот интерес подогревается и тем, что мы сами уже не первое столетие ведем между собой споры о сути нашего бытия и пути, по которому шла и должна идти наша страна. Книги о нас, написанные в разное время внимательными наблюдателями из зарубежья, не залеживаются на полках. В них черпают дополнительные аргументы отечественные полемисты, готовые разить оппонентов не только суждениями П.Чаадаева или И.Аксакова, Н.Бердяева или Л.Гумилева, но и сентенциями, почерпнутыми из трудов и записок Поссевино и А. де Кюстина, Дж.Кеннана и А.Барбюса. Насколько же вырастают в цене мнения и рассуждения людей, не раз бывавших в нашей стране, имевших дело с нашими политиками, хорошо знающих русский язык и русскую культуру. А если такой свидетель живет в соседней стране, которая связана с нашей многолетней общей историей, то прислушаться к его словам особый резон. Вот таким, заслуживающим самого серьезного внимания, экспертом нашей истории и современной жизни и выступает автор рассматриваемой книги.

Мауно Койвисто – виднейший финский политик и государственный деятель, человек уважаемый у себя на родине и за границей написал книгу о тысячелетней русской истории. Его интерес к нашей стране не случаен. Еще в «эпоху Кекконена», в 1966 г., когда М.Койвисто, сорокатрехлетний функционер социал-демократической партии Финляндии, занял ответственный пост министра финансов, он счел себя обязанным приняться за изучение своего восточного соседа, советской экономики и политики. Койвисто начал читать советские экономические учебники, как он сам выразился, «с карандашом в руках». Однако, по его признанию, такого рода литература ему практически ничего не дала, и финскому министру пришлось искать более надежные способы постижения Советского Союза – важнейшего внешнеэкономического партнера Финляндии. Неоднократные поездки в нашу страну в качестве премьер-министра (М.Койвисто стал им в 1968 г.), затем и президента Финляндской республики (он заступил на этот пост в 1982 г., оставив его и «большую политику» в 1994 г.), его встречи с советскими и российскими руководителями, общение с общественными деятелями, писателями, учеными и просто с людьми из соседней восточной страны помогли ему составить собственное

представление о России, а хорошее знание русской истории и культуры, почерпнутое из серьезной литературы, дали возможность этому всемирно известному финну с полным основанием рассуждать об исторических судьбах России и ее месте в мировой истории. В результате в 2001 г. финский читатель смог взять в руки книгу М. Койвисто, названную им «Русская идея». А всего год спустя, благодаря завидной оперативности издательства «Весь Мир», и профессиональному переводу Ю.С. Дерябина, книга с тем же названием пришла и к нам.

Сразу же обращает на себя прямо-таки провокационное название этой работы (ее русское название в точности соответствует финскому). Как же так?! Поиском «русской идеи» отяготили себя самые изощренные умы России, та же проблема не дает покоя власти – и все тщетно. А тут иностранец, и не какой-нибудь знаменитый философ или историк, а политический деятель, которого привыкли видеть подписывающим разного рода договоры и соглашения то с Брежневым, то с Горбачевым, то с Ельциным, отойдя от насущных государственных дел, запросто решает задачу, которую можно назвать своего рода идеологической или философской «теоремой Ферма». Конечно же, «теорема» осталась нерешенной, но мысли, высказанные в этой книге, заслуживают самого пристального внимания.

Прежде всего, уместно остановиться на жанре «Русской идеи». Это – историко-публицистические очерки. Автор книги прямо говорит, что он не писал историю России, а лишь дал собственное толкование отдельных событий и явлений русской истории, связанных единым пониманием исторического процесса. Такой подход позволит и нам, не рассматривая последовательно все главы этой книги, остановиться на тех из них, где наиболее полно проявляется мировоззрение ее автора или где драматические повороты самой русской истории заставляют его формулировать собственные парадигмы.

Уже во вступлении М.Койвисто формулирует принципиально важное положение. Он вступает в полемику с известным финским поэтом довоенной поры Ууно Кайласом, который на рубеже 1920-30 гг. написал:

«Граница открывается как польня, впереди – восток, Азия.
Позади – запад и Европа, на страже которых стою я».

Автор «Русской идеи» не сомневается, что Россия – не Азия, а Европа. Но Европа особенная, во многом не похожая на остальной европейский мир. Эта особенность предопределена специфическими условиями возникновения русского государства и религии русского народа.

Главное, по мнению М.Койвисто, что предопределило исторические судьбы России, – это стремление русских унаследовать роль, которую играла во всемирной истории Византия. Эта связь с Восточной римской империей закреплялась и освящалась принятием русскими восточной версии христианства, сохранившей, в отличие от рационализированного

религиозного сознания Запада (особенно очевидного с возникновением протестантизма), мистическое начало. Здесь лежит корень проблемы: разные религиозные системы породили коренные отличия в исторических путях России и остальной Европы. Впоследствии возникли дополнительные факторы, усугублявшие это размежевание. К числу таковых М.Койвисто, в первую очередь, относит длительное подчинение русских татарской деспотии.

Образовавшись, как государство, Россия далее все время расширялась на Восток. Но ее притягивал и Запад. В XIX веке осознание интеллектуальной элитой двойственного характера развития русского общества привело к формированию двух направлений в развитии общественной и политической мысли России: славянофильства и западничества, противоборство между которыми окрашивает все духовное бытие русской нации, отражается на политике, отношениях власти и общества. Эта идея пронизывает всю книгу М.Койвисто.

Известно, что одним из камней преткновения ранней российской истории является так называемый «варяжский вопрос». В последние годы он, кажется, перестает быть откровенно политическим и возвращается в плоскость научного спора, хотя и остается весьма острым. Уделяет ему внимание и М. Койвисто, выступающий как последовательный норманист. Он не сомневается, что государственность на земли, заселенные славянами и чудью (финнами), принесли варяги, что викинги и были «русами», давшими название всему созданному ими государству. Не станем упрекать автора очерков, что он игнорировал разбор летописи Нестора такими нашими историками и филологами, как Шахматов, Приселков или Рыбаков. Это не входило в его задачи. К тому же не грех вспомнить, что и среди русских историков были крупные фигуры, откровенно поддерживавшие норманскую концепцию (Карамзин, Соловьев, Вернадский).

Более существенным является замечание автора, что викинги «оказались устроителями общества и оставались таковыми до конца XVI в., когда Рюриковичи были вынуждены уступить свои позиции» (с. 16). Вот с этим суждением никак нельзя согласиться, поскольку нет ни одного доказательства столь глубокого и продолжительного воздействия скандинавов на формирование социальных институтов или структур власти на Руси, так же как и на развитие русской культуры. Кроме того, эта идея приходит в противоречие с тезисом автора об основополагающей роли Византии в складывании на Руси типов государственного или церковного правления.

М. Койвисто подчеркивает главенствующую роль церкви в жизни средневекового русского общества. Феномен возвышения Москвы он объясняет переводом резиденции митрополита из Киева во Владимир в 1299 г. и из Владимира в Москву в 1326 г., что привело к перемещению центра власти в древнерусском государстве. Не поменялись ли здесь причина и следствие? Церковь всегда чутко реагировала на изменения в балансе политических сил и лнула к самым могучим из

князей. Именно Московское княжество взяло на себя нелегкую ношу, и это хорошо показывает Койвисто, лидерства в борьбе с татарской деспотией, и это обеспечило ему рост авторитета в русских землях. Успех этой борьбы, однако, не означал, считает автор, что с падением ига исчезло и татарское влияние на Руси. Оно настолько успело укорениться в сознании властителей и подданных, что на века создало атмосферу не уважения к законам, а страха перед верховным управлением. Сближая эпохи, Койвисто усматривает символический смысл в том, что самый грандиозный памятник героям и жертвам Великой отечественной войны воздвигнут на Мамаевом кургане – месте захоронения хана, потерпевшего поражение от русских на Куликовом поле.

Столь же очевидна для автора «Русской идеи» и культурно-этническая связь русских с финно-угорскими племенами. Он напоминает и о не вызывающем у него сомнения финском происхождении самого названия российской столицы и не без удовольствия ссылается на слова Р.М. Горбачевой, некогда пошутившей, что «русские – это результат смешения финнов и татар». Таким образом, Мауно Койвисто подчеркивает полифоническую основу культуры русского народа, впитавшую в себя элементы и византизма, и «татарщины», и язычества людей болот и лесов, говоривших на угорских языках. В этом нет ничего особенного: почти все европейские народы и их культуры на ранней стадии формировались в тигле, где переплавились этнические и культурные элементы самого различного происхождения. Следовательно, не стоит искать какой-то чистый изначальный субстрат, из которого развивается нация. Но, согласившись с этим, невозможно рассчитывать на легкий поиск этой «национальной идеи»

Весьма подробно рассматривает автор и последствия влияния на Россию с Запада, ставшего бесспорным с XVII века. Он останавливается и на деятельности Петра Первого, и на связи российской интеллектуальной элиты, включая и государственные верхи, с великими деятелями европейского Просвещения, и на увлечение демократическими идеями молодых офицеров-декабристов, а вслед за тем социалистическими идеями – Бакунина, Герцена и их последователей. Не ускользнул от внимания М.Койвисто и поворот к реформам самой российской власти во второй половине XIX века.

И, все-таки, главной темой книги оказываются драматические повороты русской истории XX века, и особенно первых двадцати лет, завязавших в ней такие узлы, что их придется развязывать не одному поколению людей, живших и живущих на территории государства, само название которого менялось не один раз.

Обращаясь к предыстории русской революции 1917 г. и отмечая безусловное распространение в России в эту эпоху либеральных идей, М.Койвисто, в то же время, по сути дела оставляет без внимания либерализм как явление российской политической жизни начала века. Он проходит мимо не только леволиберальных кадетов, но праволиберальных

октябристов. Реальные политические альтернативы у него сводятся к двум, действительно, гигантским фигурам того времени: С.Ю. Витте и П.А. Столыпину. Но и тот, и другой штурманы российского государственного корабля в буквальном смысле не пришли ко двору.

И вот февраль 1917 г. Казалось бы, автору русской идеи уже нельзя не повернуться лицом к либералам или демократам. Но Койвисто сохраняет свой взгляд на либеральный и демократический лагерь. Всю октябристскую партию у него представляет А.И. Гучков, весьма быстро оттертый от власти, один раз мелким метеором промелькнул кадет П.Н. Милюков, а на эсеров автор даже не взглянул. Ни разу он не назвал и имя А.Ф. Керенского. И вот здесь возникает резонный вопрос: прав или не прав автор, по существу игнорируя либерализм и революционную действительности. Однозначного ответа нет. Если бы речь шла об истории самой революции, то были бы основания упрекнуть автора книги за некоторое искажение содержания событий. Однако у него иная цель: он изучает процесс становления национального сознания и как объективный исследователь не находит применительно к той эпохе либеральную и демократическую идеи настолько зрелыми, чтобы утверждать о их преобладающем или даже значимом влиянии на основные массы, пришедшие в движение.

Хотя М.Койвисто и не формулирует четко своих выводов, идея его может быть прочитана следующим образом: царизм сошел со сцены, либерализм и демократия еще не созрели, значит, преимущество в политической борьбе, в борьбе за власть приобретает та политическая сила, которая наиболее понятна и в целом соответствует менталитету людей, вышедших из состояния социально-политического анабиоза и активно включившихся в разрушительную и преобразовательную работу. Такая сила, как известно, нашлась. И автор дает ей свою характеристику в одной из ключевых глав книги «Захват большевиками власти».

Что же думает Мауно Койвисто о большевиках? Чтобы не возникало никаких сомнений на этот счет, он прибегает к оригинальному приему: приводит пространную цитату из ленинской работы «Что делать?» с характеристикой взглядов Э.Бернштейна и соглашается с ней. Да, Ленин верно изложил позицию Э.Бернштейна, и эта позиция, с точки зрения М.Койвисто, верна и в отдельных частях, и в целом. Поэтому советский опыт автор «Русской идеи» воспринимает скептически. Более того, он утверждает, что коммунисты, не отказываясь в своих декларациях от исходных идейных принципов, на практике, постоянно нарушали их.

Подлинным же творцом советской системы Койвисто считает Сталина. Поэтому весь период от смерти Сталина до конца правления Брежнева он полагает тем же сталинизмом, но в фазе разложения.

А затем – время реформ. М. Койвисто не разделяет между собой горбачевскую перестройку и ельцинский период. Он не сожалеет о разрушении старого строя, но и не выражает чрезмерных восторгов по поводу нового. Многое из того, что заслуживает критики, произошло не по чьей-то злой воле, а потому, что события разворачивались слишком быстро. М. Койвисто сожалеет, что экономика республик бывшего Советского Союза пострадала из-за поспешных политических действий. Например, следовало бы в рамках СНГ сохранить рубль, как общую валюту. Но республики поторопились подкрепить свой суверенитет новыми национальными деньгами.

Были и другие ошибки. И не только в самой России. И сейчас в пору и на Западе задаться вопросом: все ли делалось, чтобы не потерять, не оттолкнуть от себя новую Россию. Идут споры о темпах преобразований: одни полагают их слишком поспешными, другие – чересчур медленными. Но тогда события могли принять драматический характер, исключая мирное течение процессов. В целом, М. Койвисто считает, что Россия выбрала правильное направление, и «есть признаки того, что возникает новое российское общество, которое гарантирует достойные условия для материальной и духовной жизни своих членов» (с.228).

Ну а что же «национальная идея»? Для Койвисто по крайней мере ясно, что религия и церковь теперь не могут стать источником такой идеи. Нет будущего и у какой-либо разновидности тоталитарного сознания. Ну, а подлинную «национальную идею» гражданам России предстоит выработать самим. А стоит ли искать ее. «Все части страны зависят друг от друга, но родится ли единое понимание необходимости сбалансировать плюсы и минусы совместного существования и нужна ли новая идеология, какая-то общая идея, чтобы сохранить единство?» (с.236) – таким вопросом завершает свои размышления финский политик.

В заключение нельзя не сказать о том, что в книге постоянно присутствует еще одна тема – отношения между нашими народами. Здесь нет нужды перечислять все моменты в этих отношениях, в разное время по-разному складывавшихся. Здесь важен вывод, а он таков: «Россия в целом была добрым соседом для нас, многие страны имеют соседей, которые доставляют им значительно больше проблем».